



РЫБАК ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ — самый молодой журналист редакции. Правда, в смысле стажа работы в газете «Магнитогорский металл». А вообще в журналистике он с 1969 года. Родился, вырос и работал до приезда в Магнитогорск в Казахстане: в районной печати, на областном телевидении, заместителем редактора облгазеты «Актюбинский вестник».

Лучик памяти моей

Белые кораблики

Я сидел в городском парке на скамейке за старым тополем. Стоял такой осенний день, когда думается почему-то о прошедших днях только с грустью, с ясным сознанием того, что не вернуть уже не первое по счету лето, безвозвратно ушедшие годы. Пусть даже прожитые с пользой, но все-таки не повторяющиеся в нашей жизни.

— Еще одна осень проходит, — услышал я рядом тихие слова. Говорила пожилая женщина, сидевшая поодаль на скамейке с седым мужчиной. Сказана эта фраза была скорее сердцем, уже порядком уставшим за долгую жизнь, чем губами. Понял и то, что эти слова у женщины обозначали не просто смену времени года, а приближение того заката, который неизбежен для каждого из нас.

Понял это и ее спутник. Он посмотрел в безоблачное небо, провожая взглядом серебристые и будто живые паутинки бабьего лета.

— Ты знаешь, Маша! Каждый раз, когда мы встречаемся осенью вот здесь, на нашем месте, я вспоминаю весну. Ту самую весну нашего знакомства. Помню ручьи полноводные и белые кораблики по ним плывут. Много-много их тогда ребятишка пускала.

Мужчина на миг замолчал, снимая с лица паутинку.

— Помню запах цветущих тополей и тихий звон колокольчиков в синем небе. Это тогда у меня первая любовь зарождалась. К тебе, Маша, любовь.

— Неужели все это было когда-то? — встрепенулась женщина. Я украдкой взглянул в ее глаза. Пробиваясь сквозь крупные слезы, в них плясали ожившие, казалась, еще не тронутые временем искорки.

— Было, родная! Все было и останется с нами до конца.

Из парка я уходил под вечер. Уже у ворот оглянулся на скамейку под тополем. Стариков там не было. Вряд ли доведется увидеть их снова. Но тот блеск и те искорки, которые излучали глаза женщины, запомню надолго. Как и не забуду не утраченную с годами силу верности двух сердец.

Не забыла бы и нынешняя молодежь свои белые кораблики.

Орден сына

В доме Николая Рябова собрались гости. Позвал он земляков по случаю призыва в армию своего сына, Владимира. Пригласили и гармониста. Какие же проводы в армию без песен и плясок! Большие любители Рябовы до веселья, мастера на это большие. Вон как выводят «По Дону гуляет казак молодой!» Ну прямо артисты настоящие!

На переднем месте за столом сидел старый Рябов. По правую руку от него — внук Владимир. Все веселились, а старику было не до песен. Смотрел он на гостей и вспоминал тот майский день 1943 года, когда провожали на фронт Алексея, младшего его сына. Вот так же и он сидел рядом с ним, поправлял свой мальчишеский чуб, смущался от внимания гостей и старался строго смотреть на женщин, которые вздыхали украдкой, поднося к столу закуски. И тогда давали новобранцу рубли, как повелось в старину, на коня. Говорили напутственные слова, желали возвращения в родной дом живым и здоровым.

Да только неисполненными оказались пожелания родных. Кончилась война, пришел День Победы, но только без Алексея. Взамен сына пришла в дом Рябовых похоронка, а через пять с лишним лет спустя райвоенком вручил старику неносенный сыном орден Отечественной войны. Больше сорока лет лежит награда младшего сына в шкатулке. Раз в год доставал он орден — 9 мая, когда приходил к ним погодок Алексей — Валентин. Жена накрывала на стол, и



они помнили погибшего.

Загадывать жизнь наперед старый Рябов не любил. Но знал он, что ходить по земле ему осталось уже недолго. Не придется, наверное, увидеть уходящего в армию внука. Он достал из шкатулки орден и подошел к Владимиру.

— На вот, внучек, орден. Храни его на службе, храни память о своем погибшем дяде. Не урони чести фамилии нашей.

Через несколько месяцев на имя старика пришло письмо за подписью командира воинской части. В нем сообщалось, что внук его, гвардии рядовой Владимир Рябов, служит на совесть. «Перед памятью павших в боях за Родину ответ держим, — писал командир полка, — а это святое дело».

Село Родниковое

Когда-то на берегу степной речки переселенцы из далеких краев построили село. Дворов в сто, если не больше. Сейчас, где стояли дома, окруженные палисадниками, виднелись холмики расплывшегося самана. По остывшей давным-давно золе и черепкам посуды можно было догадаться, что здесь когда-то жили люди. Снялись сельчане с родных мест, разъехались кто куда. По всему белому свету, испив на дорогу водицы из родника, заглянув на кладбище подправить могилу родителей.

Спроси сейчас, как называлось это село? Старики и те не знают, а молодым это и не к чему.

Редко кто бывал в этих местах. Речка обмелела. Вместе с водой ушли дичь и рыба. Только родник останавливал иногда здесь путника. Студеный ключ, как и десятки лет тому назад, бил тугой струей с подножья крутого холма.

А однажды сюда приехал высокий старик в старой гимнастерке с орденскими планками и вещмешком за худыми плечами. Он зашел на кладбище. С непокрытой седой головой постоял у заросшей кувшиком холмика. Направился к речке, в которую когда-то упиралась домами улица. Затем он смастерил у родника шалаш и жил здесь почти все лето.

Поздней осенью я случайно заехал в эти места. Холодный ветер уже разломал хрупкое жилище того старика. По-прежнему в роднике журчала вода. А у дороги, где стояли когда-то дома, увидел закопанный в землю ольховый столб. К нему была прибита дощечка с надписью: «Село Родниковое». Без труда догадался: этот знак оставил после себя худой старик, не смирившийся с тем, что время предало забвению его Родину, живших здесь людей.

Встреча

Не доезжая до лесной деревушки километра три, автобус остановился. Из салона вышли двое: пожилой муж с женой. Они вошли в сосновый лес. Натоптанная тропинка привела их на опушку. Старики остановились у обелиска с красной звездочкой. Внизу алела, словно застывшая кровь, надпись: «Вечная память павшим героям!» Рядом лежал букет полевых цветов. Пахла краской голубая оградка.

К обелиску прикреплена жестяная табличка со словами: «Гвардии рядовые Иван и Николай Семеновы. Апрель. 1944 год.» Сыновья...

Костер у детдома

Володя уже дописывал письмо Вере, когда дневальный по батарее разыскал его в бытовке.

— Командир срочно вызывает, — произнес он на одном дыхании.

...Уже сейчас, с высоты прожитых лет, Жернов считает, что судьба его сделала крутой поворот буквально за час, который и начался с этого вызова к комбату в предпоследний день 1969 года.

— Только что позвонили из детского дома, — начал он. — У них там, понимаешь, «ЧП» произошло — Дед Мороз заболел. А утренник, сам знаешь, что значит для детворы. Так что, выручай. Машина уже у ворот, обмундирование дедморозовское на месте получишь.

Володя плохо запомнил подробности той поездки. Все вокруг мелькало, как кадры киноленты. На ходу его переодели, припудрили и покрасили щеки, дали мешок с подарками и проводили в большую комнату, где стояла елка. Он водил с ребятами хоровод, хлопал в ладоши, не жалея сил. Все вроде бы веселились, а чего-то все равно не хватало. Володя не увидел, а скорее почувствовал, что не от всей души пели и читали стихи одетые в одинаковые костюмы дети.

Заканчивался утренник раздачей подарков. Радостной очередью выстроились малыши у Деда Мороза. Среди них Володя заметил самого маленького парнишку в бумажном костюме гусара. Он хитро поглядывал на Жернова, а когда тот протянул ему пакет, дотянулся до его уха и прошептал:

— А ты притворяешься. Ты не настоящий Дед Мороз.

— А кто же я по-твоему? — тоже шепотом спросил Володя.

— Ты генерал. Я подсмотрел — у тебя сапоги военные.

Довольный «гусар» громко рассмеялся. Не выдержал и солдат.

Такой вот была их встреча — сержанта артбатареи и воспитанника детдома, его тезки, шестилетнего Володьки. Потом, через месяцы и годы, бывший солдат не раз задавал себе вопрос: в какой миг у него начало созревать это решение? Может быть, когда ребяташек уводили с праздника и его новый знакомый шел, оглядываясь на него? Или это произошло позднее, когда на кухне этого невеселого учреждения директриса угощала его пирогами с картошкой и рассказала об этом мальчугане? Его мать умерла сразу, как только Володя появился на свет — при родах. Отец зашил то ли от горя, то ли по другой причине, оставил сына соседям и «подался» в бродяги. Как спасение для ребенка был суд, который определил малыша в детский дом. За последние два года его никто не навещал. Понял Жернов: мнут годы, многое из памяти выветрится, но он никогда не сможет забыть этой новогодней елки в детском доме и маленького гусара с деревянной саблей. И его вопрошающие глазенки, с надеждой направленные на каждого нового человека, входящего в детский дом.

Через неделю солдаты везли в детдом дрова. Володя остановил грузовик в поселке, забежал в магазин за пряниками. Думал, раздаст всей детворе, а когда на встречу ему вдруг рванулся, широко раскинув руки для объятий, Вовка, Жернов потом сам себе признался: в детдом, ради встречи с этим мальчуганом, его «повела» неведомая сила.

— У тебя дети есть? — спросил в ту встречу Вовка.

— Пока нет.

— У всех взрослых должны быть дети, — наставлял малыш и смущенно затеребил его за рукав. — Если хочешь, то я буду

тебе за сына. Понарошку...

В детских глазах вспыхнул огонек надежды. Вот тогда готовящийся к увольнению в запас сержант твердо и бесповоротно решил забрать мальчишку к себе домой.

В начале в просьбе об усыновлении Жернову отказали. Как ему казалось, привередничали чиновники из органов народного образования. Убеждали, что мальчишке прежде всего необходима семья, а ее один отец, в данном случае в лице Жернова, заменить не сможет. Тем более возраст у ребенка дошкольный, вон сколько еще нужно его растить, воспитывать, учить. Посоветовали написать ходатайство в Москву. Командир части, зная характер Жернова, решил также поучаствовать в усыновлении малыша. И все же он добился своего — отдали ему Володьку.

Еще за три месяца до увольнения он написал своей девушке: «У меня скоро будет сын. Кому-то это понравится, а кому-то нет. Нас будет двое, а маму мы с Вовкой будем выбирать вдвоем». Вера все поняла без длинных объяснений. По этому поводу Вовка рассказывал историю своей семьи так:

— Сначала был папа, потом нашелся я, а затем нас нашла мама.

... Много раз представлял Жернов: вот он приезжает за сыном с новым костюмом, кроссовками. Крепко взяв его за руку, он поводит сына по комнатам детдома, чтобы малыш распрощался со всеми, кто его кормил и одевал, согревал дружбой, учил добру. А потом они вместе выйдут на улицу. Он обязательно спросит у сына: «Чего тебе больше всего хочется?». И выполнит любое желание. Ну, о чем может мечтать мальчишка? Покататься на качелях в парке, съест «Сникерс», получить в подарок велосипед.

Когда за спиной остались ворота детского дома, Вовка вдруг попросил:

— Папа, разожги мне костер: я люблю смотреть на огонь...

На мерзлом асфальте Жернов сложил охапку старых газет, нашел доски из-под ящика. Через минут пять огонь разгорелся вовсю. Вовка грел над ним ладошки и смеялся, совершенно счастливый...

А дома их ждала мама Вера. И на столе, как положено в праздничные дни, стоял торт.

